рассуждений. О самой же пьесе говорится в двух-трех фразах: пьеса «была очень хорошо принята Московскою публикою. Многие прекрасные стихи были замечены» и т. д.

В своей деятельности театрального критика Карамзин исходит из общих эстетических норм сентиментализма. Критерий оценки драматических произведений — «истинный вкус» просвещенного писателя и просвещенного зрителя, — разумеется, не из демократической среды.

Искусство, — проповедует Карамзин, — должно «прикосновением розовых перстов своих» превращать «свинцовое бремя жизни в легкое, зефиром несомое перо».[3] Выдвигая требование «естественности», «простоты», правдивости сцен, характеров, диалогов, он понимает эти термины совершенно иначе, нежели их понимали представители демократического лагеря.

Крылов и Клушин тоже указывали на торжество «истинного вкуса». Но они хотели видеть на сцене людей различных сословий и состояний. Вслед за Н. И. Новиковым, который, ожидая от драматурга пьес, заключавших в себе нравоучения и примеры, к «подражанию народному годные», требовал в роли героев выставлять слугу, купца, хлебопашца, и Крылов хочет, чтобы на сцене можно было видеть не одних царей и вельмож, а людей различных сословий и состояний. Тем более, что «и самый низкий хлебопашец, исполняющий рачительно должности своего состояния», скорее «заслуживает быть назван честным человеком, нежели гордый вельможа и несмысленный судья».[4]

Исходя из положения, что источником искусства должна быть «сама природа» и «свое обыкновение», критики демократического лагеря, вопреки желанию «многих сочинителей», считавших, что «российский крепостной слуга будет низок на театре», требовали представить крепостного «в собственном его виде».[5]

Карамзин крайне далек от подобной постановки вопроса. Он полагает, что искусство должно состоять прежде всего в «живости мыслей и чувств».[6]

Такая позиция определила и его выбор для разбора спектаклей Московского театра.

Карамзин не дает общего обзора постановок. Он берет не комедии и трагедии, где обычно наиболее остро вставали вопросы современности, его интересуют прежде всего драмы

---

[3] «Московский журнал», 1791, ч III, стр. 325
[4] «Зритель», 1792, март, стр. 144.
[5] Там же, октябрь, стр. 135.
[6] «Аониды», 1797, кн. 2, стр. VI.